Она что - спала? А когда она уснула? И где? Почему-то, но она совсем не помнила этого. И перед глазами стояло что-то совсем непонятное. Ей даже пришлось наклонить голову, чтобы сообразить - над ней сейчас находится открытое небо, а чуть в стороне, вот эта вот белая, бесформенная пакля - это дерево. И у неё сильно болит таз.

И вот тут-то она всё и вспомнила. И с ужасом осознала, что всё ещё лежит под этим злополучным деревом, и что муха та в любой момент может вернуться и сделать это с ней снова! А она этого не хотела. Не сейчас - уж точно. А если она... ну, или он с ней делал это ещё раз, пока она была без сознания? Девушка подтянула бельё, так же как и одёрнула платье вниз, чтобы скрыть эту свою срамоту, свой всё ещё опухший животик, расширенное влагалище и... и порочную стигму, которая сейчас явственно светилось. Так, что Шаос невольно, но заскулила, потому что вариантов тут быть уже не могло: эта муха оплодотворила её...

Но раздумывать хоть о чём-либо не было времени. И девушка, перевернувшись на живот, подобрала... кое-как подтянула под себя ноги и попыталась встать, однако наилучшим результатом стало то, что она кое-как встала на четвереньки и поползла. Ноги при этом постоянно разъезжались, всё тело болело и она ежесекундно сопела и скулила. Сколько она так пролежала? Судя по ощущениям - несколько часов. Может быть, три или часом больше. Искали ли её спутники? Может быть, и сейчас ищут. Или ушли уже, не став дожидаться её возвращения.

- Лиза... Лиза, это был отень... оооотень безлассудный поступок! Тебе долзно быть отень стыдно...

Стыдно ей было, но... вообще-то, не очень-то. Скорее страшно, что она могла ошибиться с направлением и ползти не в ту сторону. Но спустя не полных полчаса поползновений, она всё же смогла различить слабый огонёк костра и с облегчением выдохнула, позволяя себе ещё хоть каких-то пятнадцать минут отдохнуть. Чтобы потом, кое-как, замызганная по самое не могу, что одеждой (а особенно чулками), что локтями и руками, подняться на ноги и, с трудом балансируя, вернуться в лагерь хотя бы в прямоходячем положении.

- Н-ну и ну, а я думала, вы тут увэ потеяли всё тейпение и ушли, пока я там обсялась с одним...

Натянутая её самодовольная улыбка сползла с лица, когда она увидела, что во время её отсутствия их лагерь подвергся нападению. Вывод об этом можно было сделать как по косвенным причинам в виде некоторого беспорядка, а именно разбросанных углей, расплёсканного варева из котелка (которого она бы сейчас с огромным удовольствием попробовала) и нескольких пар разорваных шерстяных стрингов Барри, так и по более явным. Например, Брилль сейчас занималась тем, что лечила рассечённое плечо варвара, а Дурин, сидя на другой стороне от дороги, разделывал на куски тело нападавшего. И о том, было ли это насекомым или рептилией, Шаос предположить не решалась. Но оно было двуногим, с хвостом (или длинным брюшком, как у кузнечика) и огромными лезвиями вместо передних лап.

- Где тебя носило? - Спросила жрица, ненадолго отвлекаясь от процесса исцеления, не столько, чтобы поинтересоваться о судьбе Шаос, сколько для того, чтобы перевести дух и разгрузить собранную волю. - Мы думали, тебя уже в живых нет.

- Да я там так, гуляла! - И, с намёком, похлопала себя по животику. Последствий того, что в ней, пусть и ненадолго, угнездилась муха примерно той же толщины, что и сама эта девушка, видно уже почти не было. То приравнивалось к ране, а не естественному процессу организма, поэтому приходило в норму быстрее. О том же, что было внутри, она не ведала. - Нагуляла. Вы не повелите, от кого!

- Избавь нас от этих подробностей. - Буркнула ей эльфийка в ответ - и вернулась к варвару.

Он, кстати, с неловкой улыбкой помахал дамианке рукой, глядя на свой интимный гардероб, который он случайно перед всеми тут засветил.

- Эта тварь чуть не оттяпала мне голову своей клешнёй! Я только и успел, что бросить в неё свой мешок и...

Шаос добралась до своей сумки и, в прямом смысле падая перед ней на колени, отстегнула её крышку, вытаскивая оттуда тот свой юбочный комбинезон, в котором она "путешествовала" в Глиничиве. И уж совсем без стыда и совести (но, повернутая ко всем спиной) стащила с себя грязную одежду и на её место одела новую. Так же поступив и с чулками, заменив их на точно такие же. Только ради смены белья она всё-таки, да и отошла за кусты. Теперь там она была в мелкий разноцветный горошек.

- Ну, тево ты пеестал лассказывать? - Сказала она, усаживаясь на расстеленную скатерть. И вытянула многострадальные ноги, сильно кряхтя.

- Кажется, я с тобой закончила. Дурин! Ты ранен?!

- Само заживёт. - Пробурчал карлик настолько тихо, насколько можно было, лишь бы его услышали.

Барри тоже опустился на землю, после того, как подобрал все свои вещи, но перед продолжением прерванного ночлега решил-таки потратить немного времени и заштопать разорванную сумку.

- Эй, эй! А поесть нитево у нас не найдётся? А?..

- Уже - не найдётся. Придётся сухое грызть. - Жрица смотрела на девушку, присматриваясь к её животу. Вот по одному только расслабленному состоянию этой малявки было видно, что стигма её уже во всю светится. - Или можешь с земли слизать. Я верю, что такой свинье, как ты, это будет только за удовольствие.

***

"По утру", выспавшись и почувствовав в ногах силы идти, Шаос приободрилась. Беременность

так же в целом положительно сказывалась на её настроении - выбрасывало ли это в её теле какие-то особые гормоны или как, но это расслабляло, делало голову лёгкой, а мысли - окутывало приятным туманом.

И шагала она пусть и медленно, из-за чего всем иногда приходилось останавливаться, чтобы дать ей возможность себя догнать, но бодренько и не жалуясь. Животик же, спустя пол дня с момента оплодотворения, стал более плотным и малость уже таким припухшим. А скоро он начнёт расти ещё быстрее, набирая объём - главное, чтобы еды было в достатке, с чем уже было не всё так хорошо. Хотя мушиное потомство, оно... было поагрессивнее в своём развитии, и активнее пило соки самого носителя. Так же как она не имела понятия о том, что стенки её матки сейчас, без единого просвета, были облеплены продолговатыми полупрозрачными яйцами, приросшими к ней и пустившими маленькие корешки, вступая во взаимодействие с её кровеносной системой. Что так же случилось и с каналами, ведущими в её яичники - там тоже поселились яйца, но из-за того, что места там было очень немного, оно уже вызывало слегка неприятные ощущения, из-за чего иногда ей приходилось их массировать.

А вообще, она была довольна. И когда к концу дня её животик уже визуально округлился от набирающих в нём объём яиц, она принимала на себе взгляды товарищей с загадочной улыбкой. При этом всячески намекая на то, чтобы они спросили, от кого же она в этот раз понесла. Но ради сохранности собственного рассудка - они молчали.

Вот так они примерно и провели всё то время, все те три дня, пока шли до перекрёстка путей. На востоке от них резко вздымалась практически отвесная, даже закругляющаяся к самому своему верху "стена" скал, граница Грайльдской воронки, откуда, по единственной прорубленной тропе, через пару дней должна была придти другая группа, а дальнейший путь лежал на юг, где должна будет кончиться эта дурацкая степь и начаться гористая, но вполне нормальная местность, хотя бы с человеческой травой и речками, в которых можно будет смыть пыль дорог без риска стать козлёночком.

Что касается Шаос - то на третий день её расслабленность улетучилась. Потомство, независимо от того, что сильно увеличить свой рацион она не могла, росло быстро, выпивая её собственные соки. Из жалости Барри пытался её подкармливать, но Брилль быстро пресекла эти попытки, потому что он, в отличие от Шаос, был боевой единицей и всегда должен был находиться на пике формы. А нападения на них не прекращались, однажды даже какой-то голем, уже, казалось бы, пролежавший в земле сотню лет, внезапно решил ожить да расплющить ни в чём неповинным путников своими пудовыми кулачищами. Но кому интересны эти будни рядовых искателей приключений? Да и голем оказался поломанным и медлительным, что от него даже Шаос своими силами убежать смогла.

Ну так вот. Когда они встали на длительную стоянку, пузо её имело размер, схожий с размером одиночного человеческого дитя. Только изнутри её матка была облеплена пленочными яйцами, в которых росли скрученные в колечки личинки. Белые и мерзкие. Но хотя бы неподвижные.

До определённого момента. Потому что на четвёртый день, прямо посреди сна, яйца внутри неё стали лопаться. И из них, в густой и липкой жижице, вылезать уже вполне себе шевелящиеся личинки. И спросонья она вполне логично даже и не поняла, что это происходит.

Ощутила сырость, что вполне могло произойти по.... ну, нескольким причинам, но когда мозг начал наращивать мощность своей работы и она ощутила, как внутри неё всё шевелится - то не менее логично, да что говорить - руководствуясь практически уже безупречной логикой, решила, что пришёл назначенный срок и пора была исполнять свой ехидновский долг... Что она даже на корточки сесть успела, комкая подол платья аж на самой груди и потянувшись рукой к белью... Но потом мозг заработал в полную её силу и она вспомнила о том, что она была тут не одна. И слава Госпоже, что в сей ночной час, а они, по инициативе той же жрицы, держались старого распорядка дня, все спали... Дааа....

В общем, когда она подняла глаза к слабо горящему костерку, то она увидела карлика, что сидел к нему спиной и с безразличием в глазах пялился на неё.

- М-молти!.. - Пискнула она, прикусывая запястье и не пряча текущие по щекам слёзы. Периодически, она занималась чем-то подобным на людях, но то было в особых компаниях, которые могли это оценить не со стороны того, что она - мерзкая и грязная тварь, а более пикантно... Поскуливая на ходу, она встала, да на дрожащих ногах побрела прочь от посторонних глаз, чтобы...

Чтобы сильно ошибиться. Потому что они "вылупились" - это да. Но рождаться на свет они ещё не были готовы. И потому, сколько она ни кряхтела и ни тужилась, то лишь испачкала одежду просочившемся молоком, однако ни одна из копошащихся в ней тварей не покинула её тела. Они продолжили зреть внутри. Из-за чего ей даже не хотелось ко всем возвращаться - это были не те люди, которые могли это как-то.... оценить, и перед ними ей было стыдно. Она же, как и говорилось ранее, милашка, творящая гадости - но саму же себя гадкой тварью не считала. А вот группа её с ней бы сейчас не согласилась. Но вот голод - не тётка, и спустя шесть часов она, складывая руки на животе, который даже под одеждой слегка покачивался и шёл небольшими волнами от копошащихся в нём тварей, всё же вернулась ко всем. И скромно попросила дать чего-нибудь поесть. Чтобы так же скромно, подогнув под себя задние лапки, положить мисочку на покачивающийся живот и начать, смиренно опустив взгляд, черпать деревянной ложкой какую-то кашку.

А вот остальные - наоборот, есть перестали. Снова нависла эта гнетущая тишина в ожидании грома. Лишь Шаос, и то стараясь делать это как можно тише и незаметнее, жевала и сглатывала.

- Э-эээ.... севодня хооший день... д-даа?.. Солнеть... ный, дааа... и ясный...

Барри - пялился. Брилль - тоже. Дурин сидел к огню лицом - но в этот момент широко улыбался. Он был доволен, ему всё нравилось. И так, в тишине, прошло долгих пять минут, пока ехидна скромно насыщалась варевом варвара. И когда её облизанная ложка оказалась в миске, а миска отложена в сторону, то она, не вставая, с благодарностью склонила голову вниз и произнесла:

- Я бы ессё не отказалась, но... Благодалю за заботу!..

И прикусила губу. Как бы она ни прятала живот за сложенными на нём руками, они не могли ничего не замечать. Она не верила в это. Хотя лично её ощущения сейчас были особенно... своеобразные. Но живот покачивался, шевелился... Так, что она почувствовала небольшую резь в глазах - ох, что сейчас должно было начаться...

- Ладно. - Наконец, не выдержав более, произнесла Брилль. - Не будем больше делать вид, что не замечаем быка в посудной лавке. Что в тебе?

Шаос скосила взгляд сторону, пока щёчки её разгорались стыдом, а рот неловко приоткрылся, пока она подбирала нужные слова.

Или слово. Одно.

- Мухи...

Брилль осунулась, также замерев с открытым ртом. Но в её исполнении это выглядело просто глупо и ни разу не мило.

- Мухи? - Повторила она, кося не только брови, но и всё лицо. - Ты совсем что ли е*анутая бл*дь?! Ты трахалась с мухой?! Ты и перед подобной мерзостью ноги раздвигаешь?! У тебя хоть частичка самоуважения есть?! Ой, да я умоляю, какое самоуважение!! В твоей этой башке трухлявой хоть чуть мозгов ещё осталось, или ты их все уже протрахала?! С мухой?! Ах ты же... подстилка!

Жрица вскочила на ноги, роняя миску с недоеденной кашей прямо на свой коврик, но опять замолчала, когда на мгновение представила, что же именно сейчас копошилось внутри этой грязной, омерзительной ехидны.

- В тебе сейчас что, черви?!.. У тебя полная матка червей?!

- Литинок... - Поправила её Шаос - и снова виновато улыбнулась.

- Ах ты ж бл*дь червивая! Мерзость! Да как вообще ты можешь людям в глаза смотреть?! Почему ты в какой-нибудь яме ещё не сдохла, челядь! - Эльфийка негодовала, и вполне заслуженно негодовала, из-за чего начала расхаживать взад и вперёд, трясти руками, порою сжимая их и представляя себе в этот момент шею этой грязной девки, а то и останавливалась, чтобы снова начать метуситься по их небольшому лагерю. - А вы ещё спрашиваете, почему я к ней так строга! Да сдохни она уже - сделала бы и себе, и всему этому грёбаному миру одолжение! Что за... что за мерзкая раса! Я клянусь, что больше!..

- Зато скоро у нас будет свежая еда. - Буркнул Дурин - и жрица набросилась на него, одним ударом раскалывая о его голову свою миску.

- Хочешь, чтобы меня сейчас вырвало?!

- Так что ты тут ходишь, да причитаешь?! Желаешь, чтобы она сдохла - так валяй. - Карлик отряхнул с лысой башки остатки каши, но иного дискомфорта от удара не испытывал. - Просто брось её в горящие угли, прижми к земле ногой её бренное тело и дай яркому пламени сделать всё остальное.

А вот тут Шаос стало совсем как-то боязно, потому что Дурин - это Дурин, и от него ждать всего можно было.

- Хотя она и говорила, что плохо горит, но рано или поздно её пузо должно лопнуть и они повалят наружу...

От костра, в разные стороны, бросились обе женщины. Остался только скалящий зубы в нездорово широкой улыбке карлик - и Барри, сидевший в это время и ещё что-то колупавший в тарелке ложкой. Но сейчас аппетита у него уже не было. И в ближайшие сутки - не предвиделось. Всецело же проигравшей в битве по крепости желудков оказалась Брилль.

***

- Эй, червивая.

- Б-бъилль, не надо так...

Шаос сидела в стороне ото всех, на небольшом камушке и прикрывалась своей скатертью. И была на редкость хорошей и воспитанной ехидной, никого не беспокоила, ничего не говорила, никуда не лезла... Но нескончаемая перистальтика растущих в ней существ передавалась и ей самой, что не давало ей даже нормально уснуть, пока она совсем уж не выматывалась. А выматывалась она быстро. И ещё всё время хотелось есть. Что не только Барри, но и Дурин начал делиться с ней, сильно беся при этом жрицу. Так он, наверное, двух зайцев и убивал. Однако дамианке и этого было мало.

- Червивая!

- Блин... Ну сто?

- Ничего. - Женщина улыбнулась. - Просто хочу напомнить, что если та группа придёт до того, как ты "придёшь в форму" - я тебя убью. Разобью посохом твою тупую башку и скажу, что ты - какая-то воровка, пробравшаяся в наш лагерь, и я тебя знать не знаю. А та голубая сумка и твои милые платьица принадлежат Барри. Ты поняла? Да, и надеюсь, ты не думаешь, что я шучу?

- На меня её платья не налезут. И не годится кожаным людям ходить в таком. Я же на своей

родине был как раз из таких, кожаных.

- Интересно... - Роковым голосом пробурчал Дурин - и всем уже стало немного не по себе. - А они из неё нормально лезть будут - или в один прекрасный момент начнут выгрызать себе путь наружу?

- Дурин! Заткнись, своим Предназначением молю!

Дамианка решила, что просто сидеть в стороне и никого не трогать - это уже не вариант, и поэтому, забрав свои вещи, отошла ещё дальше, где бы они друг друга видеть уже не могли. Но ходить уже, блин... было непросто. Килограмм семь она себе набрала. Сколько это было по объёму, если так, для интереса? Ну, что такое пять литров воды, например, представить не сложно. Хорошая такая бутыль, но личинки же имеют плотность поменьше, чем она, так что десяток "литров" она в своём полуросличьем теле таскала. Зато это означало, что росли они быстро, а значит, шансы успеть у неё были. Главное, чтобы они не собирались разъедаться в течении ещё недели, а шутки Дурина оказались всего лишь шутками! Это будет недостойная смерть. И в Тёмные Курганы она бы так не попала, будь она Чалкским варваром.

И "ночь"... на пятый день, получается? Или как? Но её она встретила в одиночестве. Чтобы проснуться посреди неё с пониманием того, что неделю ей ждать не придётся. И прогрызать её плоть они тоже не собираются.

Её тело свело в судороге. Такой знакомой ей судороге, но слишком медленный мозг и в этот раз всё понял не сразу. Ударив по земле пятками, девушка попятилась, взбивая тряпку под собой, выгнулась спиной - и снова попятилась, ещё не зная, что причина этих чувств была в ней самой и "уползти" от этого не представляется возможным. И понять это она смогла только когда ощутила, как изнутри по ней и наружу стало что-то ползти...

- О-о нет, нет-нет! - Закрутила она головой, трясущейся лапой не успевая снять бельё, а лишь сдвигая на сторону и бедром зажимая его в таком положении.

И опять её накрыло спазмом. И ещё больше.... чего-то копошащегося она ощутила в своём влагалище - сокращающегося, вихляющегося, и...

Ехидна схватилась за лицо, когда пухлые губки её киски разошлись в стороны - и оттуда показалось белое... белое, отвратительно крутящее тем, что... наверное, было у него головой, создание. Это выглядело не как личинка какого-то жука - с рыжей головой, спинкой и лапками. Это был простой, отвратительно белый, мягкий червячок. И она заскулила, потому что это было слишком мерзко даже для неё. Схватилась за лицо руками и что было сил напрягла мышцы всего тела, что аж ткань на туго наполненной груди взмокла, лишь бы избавиться от всего этого как можно быстрее!

Первая личина, пытаясь нащупать пространство перед собой, под напором ползущих за ней, просто выпала наружу, на рыжую, словно ржавую землю. Мясистый, слегка желтоватый червячок сантиметров пятнадцати в длину, и сейчас он лежал, весь сокращался, а от попки его

тянулась красная нитка, всё ещё связывающая его с организмом матери.

- Мееееелзость! - Заскулила ехидна, и в ту же секунду свои головы показали ещё две такие твари. Одна выпала наружу, а вот другая - смогла зацепиться за влажную кожу Шаос и поползла по ней вверх, в направлении её округлого живота.

И опять она вся содрогнулась, выпуская из матки ещё больше мушиных детишек. Одна личинка, сразу три. Её всю корёжило, перекручивало, она скулила и рыдала, от омерзения - да и не только. Ведь это было приятно. И она кончала, когда из неё, отирая стенки её тела, расползаясь по нему и делая его скользким и липким, покрывая какой-то густой, белёсой субстанцией, выползали новые и новые личинки. И эти нитки... крохотные пуповинки, оставшиеся связанными с основанием яиц, превратившихся в полностью функциональное подобие плацент. При этом каждая из личинок имела такую, даже если и перегрызала её, когда та слишком натягивалась, из-за чего Шаос... при желании, когда всё это должно было закончиться, могла сосчитать точное число воспроизведённых ею паразитов.

Но пока что - это ещё не кончалось. Её живот оседал, становился мягким - но всё ещё полнился собой этих тварей. И чтобы как-то ускорить этот процесс, она воспользовалась уж знакомым ей методом - она подобрала обе ноги, согнула их в коленях, чтобы приподнять уже мешковатое своё лоно - и сжала его, одновременно и коленями, и руками... С полтора десятка тварей, с мерзким, чавкающим звуком, вылетели из неё в слое белёсой жижицы, образовывая расширяющийся от её промежности конус копошащихся в слизи тварей. И на этом она...

...закончилась. Мозг не смог этого выдержать - и с высунутым языком, широко распахнутыми глазами, перепачканная слюной и слезами - она отключилась...

***

Сознание вернулось нехотя... И жить ей сейчас хотелось не очень-то и сильно. Она опустила взгляд на свою голую грудь, с которой она как-то успела отбросить ткань... и прижала к глазам запястье, сильно и с болью кряхтя - с десяток личинок сейчас кормилось, слизывая тянущиеся от её сосков подтёки дамианского молока. Ей хотелось их с себя сбросить, раздавить ногами и как можно скорее смыть или хотя бы стереть с себя всё это... Но она не стала этого делать. Ведь как бы то ни было... как бы мерзко это ни было - они всё же были её детьми. И она дала им напиться. Ведь самое меньшее, что она могла им дать, перед тем как позволить искать своё счастье самостоятельно - это напиться.

Затем она, не глядя и не считая, ибо не хотела она знать их число, а целыми прядями выдёрнула из себя все пуповины. И опять тяжело вздохнула, сидя на земле, вымотанная и грязная, глядя как расползаются последние из этих белых червячков. Наверное... их там было около сотни? Чуть меньше, возможно... Но дамианка в очередной раз почувствовала себя одинокой - в такие моменты сильнее всего ощущается тягость от невозможности её расы заводить детей. Она может быть глупая и какая-то нелепая, но ей было уже за пятьдесят и она была последней в своём роду. И нормальных детей у неё не будет, а значит и у отца её не появится наследников, способных продолжить его "бутылочные" дела. И в этом она чувствовала свою вину.

Ей стало грустно. И в этот раз всхлипнула она уже чисто из обиды. Но - всего лишь раз. Потому что она - Шаос. Беспокойная душа, бродячая кошка Инокополиса, комочек хаоса, что рыщет во мраке улиц в поисках каких-либо развлечений. Быть вредной и наглой - вот её судьба! Даже религия этой жрицы, заплати она многие десятки и сотни тысяч за это золотых, сказала бы ей то же самое.

Впрочем... нет, она позволила себе всхлипнуть ещё раз. Возможно, она просто была глупой и запутавшейся девчонкой. Как и тридцать, как и сорок лет назад.

Во что она превратила свою жизнь?

***

Отеревшись, как смогла, скромной в этой местности травой, девушка вышла обратно к лагерю. И ещё на ходу, в дурашливой своей манере показывая спутником, что всё - окей, она поймала на себе суровый взгляд жрицы. Плотно сжимая губы, женщина будто бы сомневалась в том, стоит ли исполнить запланированное или же оставить Шаос жить - всё же, она успела лишиться своей ноши, а то, что она была вся в пыли - не самое страшное. Иные же последствия её окончившегося положения одежда как-то скрывала.

- А вы тево тут все так стоите, будто здёте кого-то? - Дамианка, всё ещё придерживая живот, села на корточки перед своей сумкой, чтобы допить личные остатки воды.

Стояли они точно как-то странно. А варвар почему-то, так и вообще поднял вверх руки, обращая их ладонями в сторону...

- Ах ёп! - Вырвалось у девушки, когда она заметила, что по дороге, в их сторону, шли три человека в сопровождении осла! Ну, или как-то так.

Ещё мелкие от расстояния, из-за чего детали их сливались, но определённо среди них был осёл (или что-то подобное ему), какой-то маг в мантии и широкой шляпе, латник в... латах (но без шлема, хотя не в нём же ему всё время было идти?) и ещё какой-то человек, также наверняка мужчина, но в чём-то полегче - коже или тому подобном. И все они (возможно - за исключением мага, а также, наверняка, ослика) были лысые. По мере же приближения - ещё и начавшие привлекать внимание... худобой своих черт? А латник - так и небольшой клинообразной бородой.

- Ооооо! - Затянула Брилль, имея преимущество в виде эльфийского зрения и банально лучшего, ввиду роста, угла обзора. - Пи*да тебе, Лизка.

- Потему? - Спросила она, хотя хвост уже начинал топорщиться от внутренних подозрений.

Что латник, что человек в кожаном доспехе, были лысыми и худыми. Точнее, худыми - слово не

совсем верное. Кожа их была бледная, с желтизной, и словно пергамент оборачивала собой лишь жёсткое мясо да жилы. Но лбы их были почему-то тёмными, как будто... Проклятье! Это были татуировки. Их головы были покрыты татуировками - какими-то письменами, полукольцами тянущимися от лба и дальше, заходя уже на саму голову.

- Отряд "Одинокие Волки" приветствует усталых путников! - Громко произнесла главная волчица, чтобы её услышали бредущие к ним люди, чьи руки с каждым шагом сильнее сжимали рукояти своего оружия. - Мы были высланы гильдией авантюристов Инокополиса вам в помощь!

- "Меченые" отвечают взаимностью! - Ответил ей человек в коже, опуская одну руку. Левая же так и осталась покоиться на рукояти висящего на поясе кинжала. - Что за помощь?!

Они подходили ближе. И ближе... и пока Брилль обменивалась с тем человеком информацией о том, зачем их сюда выслали, Шаос всё более явно ощущала, что внимания она привлекала больше, чем остальные члены её группы вместе взятые. Это были долбаные фанатики из Пяти Слов. Сталкивалась она с такими уже, и не раз. Слепые и самоотверженные болваны без индивидуальности, склонные к аскетизму и лишениям всяческих благ, и при этом - не только активно эти идеи насаждающие, но и с большим трудом терпящие (а иногда - и не терпящие), когда другие ведут неугодный им образ жизни. Также известные, как конченые садисты, шовенисты и расисты, прикрывающиеся своей этой верой, что якобы они это делают во благо всего человечества. И "человечества" тут слово не совсем нарицательное - иные расы они жаловали не сильно, а дамиан - в особенности.

Да один только внешний вид их божества, каким его обычно представляют, полностью описывает их верования. Такой вот худой человек в рясе, лицо которого скрыто под железной маской, имеющей некие намёки на анатомические подробности в виде глаз, носа и рта, но при этом - абсолютно глухой, без единого выреза или отверстия хоть для одного из этих органов, а закреплялась она путём длинных винтов, уходящих прямо в кровоточащие уши.

- Я смотрю, у вас тут собралась интересная компания.

- Брилль Иттиен. - Поклонилась жрица. - Проводница по Белому Мосту. Крепкий же юноша рядом со мной - Барри Хиллингтон, карлик...

- Дурин Буробород. - Он оскалился. - Жрец Отца Камня.

Теперь пришла очередь представляться или быть представленной и Лизе Медяновой, самой проблемной личности в их компании. И поэтому даже Брилль не успела придумать, как лучше это сделать - попытаться сказать, что она - их подруга, и им следует так же отнестись к ней благосклонно, либо же выставить прибившейся к ним дурочкой, чем получится возвыситься в глазах этих сектантов ценою... уважения со стороны Шаос? Смешно, да.

- А что же это за прелестное, но опороченное дитя?

- Это - Лиз...

- Шаос. - Перебила жрицу дамианка. Не хватало ещё только того, чтобы она перед ними её представляло тем именем.

- Да. Шаос. У нас с ней вечно какие-то проблемы. Она у нас не слишком далёкая умом, понимаете ли. Но куда от неё, болезной, денешься?

Кто бы мог подумать, что Брилль могла поступить иначе?

- Понимаем. - Кивнул человек в чернёной коже.

И среди их троицы (осла, наверное, считать всё-таки не стоит) говорил только он один. Волшебник, видимо, сильно устал с дороги, поэтому не лез в их общение, а сел у огня и приложил к своей лохматой бороде (в которой, вероятно, скрывался его рот) фляжку, утоляя жажду, а латник был совсем суров и холоден лицом, и при этом вообще не спускал с рогатой девчонки своих карих глаз.

- Мой брат дал обет молчания. Поклялся, что не обронит ни слова в присутствии неверно мыслящих. Поэтому обращайтесь либо ко мне, либо к Вольфию.

Волшебник поднял руку с фляжкой и обратил к ним своё немолодое, слегка пухлое лицо - при этом из-под шляпы его торчали такие же тонкие и взлохмаченные волосы, как и его борода. Что как минимум означало то, что сам он не был представителем этой секты.

- Разрешите погреться у вашего костра? Мы идём уже шестой час, без передыху. Сил нет, хоть падай! - Донёсся глубокий, с хрипотцой голос мага.

- Конечно. Наш дом - и ваш дом! - Раскланялась такая вежливая жрица, освобождая место у костра от вещей её спутников, которые она просто отпихнула в сторону ногой. - Всегда приятно видеть людей крепкой веры.

Все семеро путников расположились у костра. По одну сторону, полукругом - трое "волков", по другую - "меченые". Брилль села посередине. Ослик... ну, ослик - не важно. Но пока жрица начала уже более детально объяснять новоприбывшим причину их здесь присутствия, то Шаос, которой не нравилась их новая компания, вытащила из своей сумки один из заканчивающихся леденцов и стала его картинно облизывать. С высунутым языком, широко открытым ртом, отводя волосы и делая это особенно сочно. А иногда - наоборот, плотно стискивая губы и с видимым сопротивлением пропихивая розовый шарик внутрь. И всё из-за того, что клинобородый латник сидел прямо напротив неё и с момента их встречи, кажется, ни на минуту не отводил от неё своего внимательного взгляда. Ей хотелось его смутить и заставить проявить хоть какие-то эмоции, а то его каменное лицо выводило её из себя.

- Вампиры, значит? Вот уж кто действительно не достоин существовать на этой земле. Жалкие твари, отдавшие всё ради иллюзии вечной жизни. - Разбойник, или же... Кем он был? Вероятно, каким-нибудь избавителем. Тем же самым разбойником, только выступающим за всеобщее благо и порядок. Этакий законопослушный маньяк-убийца, который режет только тех, кого можно. Но делает это с особым упоением. Но при этих словах он так же бросил очень внимательный взгляд на Шаос, которая в этот момент утирала липкий подбородок запястьем, чтобы слизнуть это с него языком.

Могло показаться, что именно он был тут главный, однако это было не так. По крайней мере в их иерархии, он был на ступень ниже латника - голову того покрывали три полукольца татуировок с письменами на неизвестном языке, в то время как голову более легко вооружённого брата - всего два. И каждая из них означала какую-то клятву, обязательно - с лишениями, причём получить право на набитие ещё одной требовалось ещё заслужить.

- Но вы же в курсе, что мы - помощи не просили? И сейчас не просим.

После этих слов, словно бы по невидимому сигналу, латник встал на ноги и, широким шагом, подошёл к ни в чём не повинной лазурноволосой девчонке и выхватил из её крохотной лапки конфету, вышвыривая её прочь.

- Сеёзно? Конфету у меня отоблал? Ну гелоооооой! Пф... Сто за детский сад? Вы ессё за волосы меня дёлгать натьните и длазниться! Я умоляю... - Она полезла за следующей, потому что подбирать с земли ту, даже если она и не была сильно грязной, в присутствии этих людей она бы не стала. - В детстве вы, навелное, в песотьнице у всех детей в оклуге ведёлки поотбилали, да? Или до сих пол отбилаете!

Но самодовольная её улыбка сползла с лица, когда мужчина, схватив сперва её сумку, а затем и саму девчонку, прямо за её рог, куда-то её, едва успевающую переставлять ноги, повёл.

- Но её мы здесь видеть не хотим. Поэтому пусть либо не попадается на глаза, либо... - Избавитель повёл глазами на карлика, единственного среди всей троицы "волков", кто подал вид, что ему не нравится такое отношение к "товарищу". Карлику вообще не нравилась эта парочка даже в большей степени, чем той ехидне, но к нему у них самих претензий было меньше. Хотя бы из-за того, что при нём была большая дубина и он не выглядел как жертва любого хулигана. Варвар же смотрел на Брилль, а Брилль... ну, она засмеялась при виде этой картины. Хотя маг - наоборот, закатил глаза, но промолчал. - ...мы справимся сами. Но терпеть её присутствие нам не интересно.

Дамианку выволокли прочь от лагеря и в грубой форме вышвырнули на дорогу, вместе с её сумкой, не вовремя распахнувшейся, отчего всё её барахло, одежда и не только, разлетелось по сторонам. А пока она подбирала его - то ногою в латном ботинке уже была проведена некая черта, которую ей, видимо, переступать теперь запрещалось. И всё бы ничего - но часть её вещей как раз за ней и осталась! И потому она предприняла отчаянную попытку спасти свой ещё чистый носок, но только она сунулась вперёд - как лба её коснулась рука того дебила в доспехах, и он отпихнул не дотягивающую и до двадцати килограмм (хотя, сейчас - возможно, что и дотягивающую, учитывая ещё увеличенный, кхем, живот и матку) девчонку назад, что

она сильно покачнулась и была вынуждена попятиться, лишь бы сохранить равновесие

- Ой, да чего сразу уходить? Возможно, ей самой это только на пользу пойдёт, научит уму да разуму! А то она у нас совсем от рук отбилась. - И, уже значительно громче, Брилль добавила: - Эй, Лизка! Потом поднимешь, как дальше пойдём!

- Ну ты и сука... - Пробурчала дамианка, собирая то, что могла, и складывая это обратно в сумку. Тот её носок спасать уже было бесполезно, потому что его уже изрядно (и назло) затоптали в землю. - Ё*аное цалствие. Уголаздило зэ с дегенелатами этими связаться... Сто смотлишь?! Не пойду я за эту челту! Мозэшь возвлассяться, тебе там эта злица сейтяс всю задницу вылезет, сто свелкать будет как твои сланые доспехи!

Лицо его не дрогнуло. Зато подогнулись колени - и он сел, по ту сторону черты и в каком-то полуметре от той, кого он "видеть не хотел". Девушка закатила глаза. Не было бы определённых факторов, заставляющих даже её смущаться, она бы ему сейчас много всего интересного показала. Но в этой ситуации, ибо ей самой было неприятно его общества, она перешла на другую сторону дороги и устроила там свой лагерь, расстелив вместо скатерти испачканное мухой платье и... да и всё. Она так и легла на нём, чтобы, спустя полчаса сопения и фырканья, начать уже засыпать... и понять, что она окончательно выбилась из графика - ночлега не планировалось. И если бы варвар её не окликнул - она бы так и осталась там лежать, на обочине, когда все бы уже ушли.

http://erolate.com/book/408/11340